Анатоль Трофимчик
(Брест)

Политика по реорганизации школы и антисоветские настроения в ней на территории, присоединенной в 1939-1941 гг. к БССР[1]

К XX веку просвещение стало одним из основных институтов распространения государственной политики, и в Советском Союзе его возможности использовались как никогда до этого широко. Инкорпорация земель с их немедленной советской ассимиляцией превратила систему образования в один из основных ключей государственной политики, согласно которой новым гражданам Страны Советов предопределялось «в короткий срок пройти расстояние, пройденное трудящимися СССР»[2].

В сфере культуры и просвещения с приходом советской власти начались кардинальные преобразования. Здесь также стояла задача скорейшей унификации с восточной частью республики, где «ширилась и расцветала культура, национальная по форме, социалистическая по содержанию»[3], что, как указывали белорусские эмигранты, противоречило принципам основоположного для большевиков марксизма с его единством формы и содержания[4]. По точному замечанию Г. Паланевича, это был всего лишь шаг на пути к слиянию всех культур в одну общую и по содержанию, и по форме, чего не скрывал сам И. Сталин[5].

Особое внимание было уделено просвещению как одному из основных каналов идеологической обработки масс и главному (семья

1 Исследование выполнено при поддержке Кассы имени Юзефа Мяновского (Польша).

2 *Политическое воспитание новых советских граждан*, „Правда”, 1940, 20 сентября, с. 1.

3 *Усилить подготовку девушек-трактористок*, „Сталинская молодежь”, 1940, 10 декабря, с. 1.

4 У. Глыбінны, *У катніх руках*, „Раніца”, 1941, 10 снежня, с. 3

5 Г. Паланевіч, *Нацыянальная тэорыя і практыка бальшавізму ў Беларусі*, [в:] *Беларускі зборнік*, Мюнхен 1960, кн. 12, с. 69.

оттеснялась на второе место) социальному институту воспитания подрастающего поколения. В постановлении Бюро ЦК КП(б)Б от ноября 1939 г. отмечалось, «что существующая система народного образования совершенно не отвечает интересам трудящихся масс населения Западной Белоруссии», и предлагалось «наркомпросу БССР (тов[арищу] Ураловой) в двухмесячный срок перестроить всю систему народного образования в Западной Белоруссии в соответствии с существующей советской системой народного образования»[6]. Как говорилось в Программе Российской коммунистической партии (большевиков), «в области народного просвещения РКП ставит своей задачей довести до конца начатое с Октябрьской революции 1917 г. дело превращения школы из орудия классового господства буржуазии в орудие полного уничтожения деления общества на классы, в орудие коммунистического перерождения общества»[7]. Этот тезис становился актуальным на аннексируемых и советизируемых землях.

Школа во II Речи Посполитой являлась важным государственным институтом. Ее роль во многом определялась укреплением националистических приоритетов в политике европейских стран, жертвами которой оказывались национальные меньшинства.

С приходом советской власти школьная система подверглась переструктуризации по образцу, существовавшему в восточной части Белоруссии. Реорганизация школ по ступени обучения происходила следующим образом: на базе школ I ступени образовывались начальные школы, школ II и III ступени — неполные средние, гимназии и лицеи — средние школы. Классы польской школы в советской переводились, как правило, на один ниже. Деление учеников гимназий и лицеев по специальностям ликвидировалось. Вводилось совместное обучение детей обоих полов[8]. В соответствии с постановлением «О всеобщем обязательном начальном обучении»[9] неохваченные школой ученики принимались в советские школы, которые объявлялись государственными и принимались на счет государства. Всеобщее бесплатное обучение вводилось в обязательном порядке «в городах — за семь классов средней школы, на селе — за начальную школу»[10].

6 Национальный архив Республики Беларусь (далее: НАРБ), ф. 4, оп. 27, д. 158, л. 46.

7 По: И. О. Царюк, *КПБ — организатор культурного строительства в западных областях Белоруссии (1939-1955 гг.)*, Минск 1969, с. 40.

8 См. подробнее: *Інструкцыя аб парадку рэарганізацыі заходніх абласцей БССР*, Мінск 1939, с. 5-8.

9 *Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917-1973 гг.*, Москва 1974, с. 109-110.

10 *Народное образование в БССР. Сборник документов и материалов*, т. 2: *1928-1941 гг.*, Мінск 1980, с. 302. Не стоит, однако, забывать, что за обучение в школе «повшехной» плата не взималась.

Роль школы в системе государственных учреждений значительно изменялась, за основу чего было взято ленинское учение: «одним из (...) буржуазных лицемерий является убеждение в том, что школа может быть вне политики»[11], «школа должна стать орудием пролетариата»[12]. Согласно сталинской корректировке, на присоединенной территории создавалась школа, национальная по форме и социалистическая по содержанию.

Наиболее сложной и противоречивой проблемой в создании системы образования на присоединенных к БССР 17 сентября 1939 г. землях является создание национальных школ. Именно школу можно считать важнейшим показателем развития системы образования вообще. Начиная с XIX столетия, школа стала одним из главных институтов воплощения проводимой государственной политики — благодаря своему эффекту. Национальный аспект школьного образования позволяет определить с большой степенью точности положение национальной культуры в регионе. В конце 1930-х гг. на территории II Речи Посполитой белорусская школа уже фактически перестала существовать, что являлось следствием государственной политики, направленной на ассимиляцию национальных меньшинств. В советской же части Белоруссии происходило свертывание процесса коренизации[13]. Сегодня уже известно, что удовлетворение национальных стремлений в сфере культуры и образования, происходившее в 1920-х гг., являлось лишь средством для разрешения «ряда весьма важных задач внутренней и внешней политики», применение которого после выполнения его функции было свернуто[14]. Как говорили потом советские историки, «национальные школы на территории Белоруссии не были ликвидированы — они изжили себя»[15]. Хотя на самом деле национальные школы были вынуждены пойти на шаг самоликвидации, так как обучение в них перенагружалось языками (в общей сложности четырьмя) и к тому же их выпускникам не предоставлялось возможности продолжить образование на родном языке.

Первоначально же, придя на северо-восточные земли II Речи Посполитой под лозунгами национального освобождения, советская власть

[11] В. И. Ленин, *Полное собрание сочинений*, т. 37, Москва 1974, с. 431.

[12] В. И. Ленин, *Полное собрание сочинений*, т. 38, Москва 1974, с. 116.

[13] См., например: Нікалас П. Вакар, *Ліквідацыя беларускага нацыяналізму*, „Спадчына", 1992, № 6, с. 12-20.

[14] І. Клімаў, *Беларусізацыя ў дакументах*, „Беларускі Гістарычны Агляд", т. 8, сш. 1-2 (14-15), Менск 2001, с. 273-295. См. также: *Беларусізацыя: 1920-я гады: Дакументы і матэрыялы*, Мінск 2001, сс. 270.

[15] Л. Н. Дрозд, *Развитие средней общеобразовательной школы Белоруссии в период 1935-1941 гг. (Сеть и материальное обеспечение школ)*, [в:] *Ученые записки Гродненского педагогического института*, Минск 1957, вып. 3, с. 107.

создала юридическую базу, предоставляющую сравнительно широкие возможности для развития культур проживающих на этой территории национальностей. Общеобразовательной школе было уделено самое пристальное внимание.

Создание национальных школ с самого начала стало одним из ключевых тезисов организационной политики в системе общеобразовательной школы на присоединенных землях, ведь осуществлявшаяся в СССР культурная революция стояла на принципах развития культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию. Опыт восточнобелорусских территорий показал, что главным являлось все-таки содержание. Однако в постановлении Бюро ЦК КП(б)Б по народному образованию пункт о последовательном осуществлении «ленинско-сталинской политики в области просвещения и школы» стоял впереди решений о перестройке системы образования в соответствии с советскими программами. В нем говорилось, что ЦК КП(б)Б «считает необходимым, исходя из условий Западной Белоруссии и интересов нацменьшинств, открыть с 1 января 1940 г. белорусские, русские, еврейские, польские и литовские школы»[16]. На местах уже после проведения республиканских границ и изучения вопроса об организации национальных школ вышли постановления, аналогичные по содержанию, но с более глубоким (однако, как показало время, все равно недостаточным) пониманием проблемы. В частности в таком документе Брестского облисполкома от 19 декабря 1939 г. говорилось: «Считать, что основная масса школ в области должна быть белорусской. Одновременно в соответствии с национальным составом и желанием родителей открывать национальные школы (русские, еврейские, польские и украинские)»[17].

Судя по архивным документам, реорганизация началась раньше принятия решений о ней, но не будучи централизованной, проходила в каждом районе в индивидуальном порядке. Даже по одной области имелись диаметральные расхождения, как, например, в Щучинском и Несвижском уездах, вошедших в Барановичскую область. В первом из них 124 польские и 7 еврейских школ после установления советской власти были преобразованы в 27 русских, 44 белорусских, 75 польских школ[18]. А вот в Несвижском районе «до зимних каникул (1939/40 учебного года — А. Т.) все школы работали в рамках прежнего порядка и названия их»[19]. Т. е. первоначальные преобразования, что также от-

16 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 158, л. 46.

17 Л. Дацкевич, *Первыми появились школы*, „Заря", 1989, 27 июня, с. 4.

18 Государственный архив Брестской области (далее: ГАБО), ф. 7580, оп. 1, д. 430, л. 5.

19 ГАБО, ф. 7580, оп. 1, д. 430, л. 2.

мечала И. Царюк[20], характеризуются стихийностю реорганизации ряда школ.

В декабре 1939 — январе 1940 г. во всех западных областях Белоруссии были проведены уездные и городские учительские конференции (совещания) по вопросу реорганизации школ. Ее национальный аспект был изложен в постановлении ЦК КП(б)Б «О мероприятиях по организации народного образования в западных областях БССР» (1-2 декабря 1939 г.):

«Считать, что основная масса школ в западных областях БССР должна быть белорусской.

Переход на белорусские школы не затягивать, однако осуществлять его постепенно, по мере снабжения школ учебниками и квалифицированными преподавателями-белорусами.

Обязать партийные, советские органы и отделы народного образования развернуть пропагандистскую и агитационную работу по ликвидации пренебрежительного отношения к белорусскому языку, прививавшегося правящами кругами и националистическими элементами в б[ывшей] Польше.

Осудить неправильные действия некоторых работников отделов народного образования, переводящих школы на белорусский язык без предварительной подготовки»[21].

Таким образом, акцент делался на организации школ с белорусским языком преподавания. Поэтому отделам народного ообразования, начавшим заранее реорганизацию, пришлось корректировать сеть национальных школ. В упомянутом Щучинском уезде количество русских и польских школ было значительно сокращено, а белорусских — увеличено (см. таблицу 1).

На первом этапе реорганизации (1939/40 учебный год) открытие национальных школ происходило якобы в соответствии с национальным составом населения (в представлении о нем советской власти). Уже в начале второго полугодия сеть школ по языкам преподавания была довольно пестрой. Существовало шесть типов национальных школ: кроме белорусских, русские, польские, еврейские, литовские, украинские (см. таблицы 2-4). Последние открывались в южной части Брестской области.

Такое внимание со стороны советской власти к удовлетворению национальных интересов населения инкорпорированных земель во время обратных процессов в восточной части Белоруссии выглядит стран-

20 І. Царук, *З гісторыі развіцця савецкай школы ў заходніх абласцях Беларусі*, „Савецкая школа", 1958, № 6, с. 37.

21 *Народное образование в БССР. Сборник документов и материалов*, т. 2: *1928-1941 гг.*, с. 303.

ным. В объяснении этого парадокса современная историография все больше справедливо склоняется к стратегическим факторам эвентуальной внешней политики Москвы: накануне аннексии трех прибалтийских стран, Бессарабии и Северной Буковины Кремлю было необходимо выглядеть в глазах мирового сообщества в роли миссионера, который заботится о расцвете «освобожденных» народов, особенно после исключения СССР из Лиги Наций во время агрессии против Финляндии. К тому же было важным заиметь поддержку населения западных областей на случай возможных конфликтов в дальнейшем[22].

В целом в результате проведенной реорганизации школьной системы из 5633 школ, которые открывались к 1940/41 учебному году в западных областях Белоруссии, 4192 (или 74,4%) приходилось на школы с белорусским языком обучения, в 987 школах (17,5%) занимались на польском языке, функционировало 173 (3,1%) русских, 169 (3,1%) еврейских (на идиш), 63 (1,1%) литовских, 49 (0,9%) украинских школ[23].

Но общий количественный аспект не дает объективного представления об удовлетворении населения в национальных школах. Чтобы убедиться в этом, необходимо обратить внимание не на пропорциональность национального состава и общего количества школ, а прежде всего на распределение национальных школ по ступеням обучения.

Начальные школы, открывавшиеся в основном в сельской местности, после реорганизации перешли, как правило, на язык преобладающей национальности. Как видно из диаграмм (рис. 1-2), их сеть в основном соответствовала национальному составу регионов. А поскольку из школ всех ступеней начальных было доминирующее большинство (см. таблицы 2-4), они и предопределяли якобы пропорциональность национальных школ по составу населения.

Количество русскоязычных школ среди начальных и неполных средних было сравнительно небольшим, однако их процент резко увеличивался среди средних школ (см. рис. 3-4). Русскоязычные приезжие, имея

22 С. Яцкевіч, *Палітыка савецкіх улад адносна нацыянальнага школьніцтва ў Заходняй Беларусі ў 1939-1941 гг.*, „Białoruskie Zeszyty Historyczne", Białystok 2000, № 14, с. 158; А. Трафімчык, *Рэарганізацыя школьнай сеткі Заходняй Беларусі ў 1939-1941 гадах: нацыянальны аспект*, [в:] *Загароддзе-3: Матэрыялы навук.-краязнаўч. канф. «Палессе ў XX стагоддзі», 1-4 чэрвеня 2000 г., Беласток*, уклад. агул. рэд. Ф. Д. Клімчука, А. Энгелькінг, В. А. Лабачэўскай, Мінск 2001, с. 189; А. Трафімчык, *Школы Заходняй Беларусі ў перыяд 1939-1941 гг.*, [в:] *Чалавек. Этнас. Тэрыторыя. Праблемы развіцця заходняга рэгіёна Беларусі. Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. Брэст, 23-24 красавіка 1998 г.*, у дзвюх частках, ч. II, Брэст 1998, с. 193.

23 *Народное образование в БССР. Сборник документов и материалов*, т. 2: *1928-1941 гг.*, с. 361-362.

в своих руках власть, стали сразу элитной стратой в обществе[24], изменяли развитие социальных институтов по своему усмотрению, которое согласовывалось с партийной линией. Есть свидетельство, что открытие СШ связывалось с удовлетворением запросов военнослужащих и «членов партии, присланных сюда на работу»[25]. Одно из важнейших звеньев системы образования, какими являлись средние школы, стало форпостом русификаторской тенденции в регионе: с течением времени другие национальные средние школы вытеснялись школами с русским языком преподавания (рис. 3-4). Так, в Белостокской области количество средних школ с русским языком преподавания увеличивалось пропорционально уменьшению сети польских, а также белорусских и еврейских средних школ. Учитывая то, что средние школы открывались нередко не больше одной на район, в котором имелось много разных национальных начальных школ (с преобладанием белорусских, а в Белостокской области польских), создание русских средних школ не соответствовало логическим пропорциям школьной сети и дискриминационным образом лишало продекларированного права получения образования на родном языке не только национальные меньшинства, но и белорусское население.

Население встречало реорганизацию системы образования в основном без эксцессов. Народные массы действительно стремились к получению образования на родном языке и относились в основном с одобрением к мероприятиям по открытию национальных школ. Только со стороны некоторой части польского населения последовала враждебная реакция на такие изменения вплоть до забастовок[26].

Но воплощение реорганизации с самого начала показало, что процесс становления национальных школ не будет гладким. Главной причиной можно назвать некомпетентность по данной проблеме присланных с востока функционеров, которые не только не владели информацией о национальной ситуации в регионе, но и в принципе не были обучены проведению такой деятельности, так как на востоке они были задействованы в обратных процессах.

24 Подробнее см.: О. В. Петровская, *Реалии советской жизни: культура и быт Бреста в 1939-1941 годах*, [в:] *Radziecka agresja 17 września 1939 r. i jej skutki dla mieszkańców ziem północno-wschodnich II Rzeczypospolitej*, Białystok 2000, с. 231-253; K. Jasiewicz, *Pierwsi po diable. Elity sowieckie w okupowanej Polsce 1939-1941 (Białostocczyzna, Nowogródczyzna, Polesie, Wileńszczyzna)*, Warszawa 2001, s. 152.

25 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 247, л. 75.

26 ГАБО, ф. 7580, оп. 1, д. 430, л. 5-6; А. Вабішчэвіч, *З нацыянальна-культурнага жыцця заходніх абласцей БССР у 1939-1941 гг.: моўны аспект*, [в:] *Radziecka agresja 17 września 1939 r. i jej skutki dla mieszkańców ziem północno-wschodnich II Rzeczypospolitej*, Białystok 2000, с. 201.

Примеры упрощенного подхода к разрешению такой сложной проблемы со стороны местных руководителей системы образования свидетельствуют о том, что их функция заключалась отнюдь не в заботе о национальных интересах населения в сфере просвещения. Так, в Пружанском уезде заведующим отделом народного образования было издано «распоряжение перевести без разбора работу всех школ на белорусский язык», несмотря на «ряд деревень с преобладающим большинством поляков», что «на этой почве вызвало много недовольствия»[27].

К концу 1939/40 учебного года нарушения по организации национальных школ, не успевших даже закрепиться таковыми, начали приобретать формы тенденции. Уже 8 апреля 1940 г. в утвержденном плане Белостокского районо было сказано: «Добиться (подчеркнуто нами — А. Т.) перевода большинства польских школ в школы с преподаванием на белорусском и русском языках». План стали выполнять, не дождавшись окончания учебного года. Открытию русско- и белорусскоязычных школ не препятствовало иногда полное отсутствие представителей соответственно русской и белорусской национальностей[28]. Высшие инстанции такие действия признавали нарушениями, но об их исправлениях речи пока не шло.

События наступившего лета внесли коррективы в развитие системы школьного образования. После летней инкорпорации Советским Союзом территорий необходимость в проведении соответствующей интересам населения национальной политики уменьшилась, что незамедлило выразиться в усилении русификации — доказательство, подтверждающее тезис о стратегической роли проводимой национальной политики. Даже в советском источнике отмечалось: «Все эти примеры (неправильного перевода школ на русский язык — А. Т.) доказывают, что эти случаи искажения линии сталинской национальной политики приняли размеры не случайности, а неправильной постановки вопроса»[29].

23 августа 1940 г. нарком просвещения Е. Уралова, говоря «об итогах реорганизации школ западных областей и задачах 1940/41 учебного года», сообщала, что «в основном правильно размещена школьная сеть — с учетом национального состава и требования родителей» при наличии «случаев, правда, весьма редких, неправильного размещения национальных школ в соответствии с желанием и национальным составом населения»[30]. Интересно, что примерно в то же время Е. Урало-

27 НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1774, л. 62.
28 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 243, л. 5-6.
29 ГАБО, ф. 7580 «П», оп. 1, д. 162, л. 62.
30 *Народное образование в БССР. Сборник документов и материалов*, т. 2: *1928-1941 гг.*, с. 360, 362.

ва указывала на ошибки в создании системы национальных школ. Найденный в архиве документ на этот счет адресован заведующему Брестского облоно Коршуку, но не меньшие нарушения по школьной сети других западных областей Белоруссии дают основания предполагать о существовании подобных документов для остальных облоно. Причиной отсутствия единой директивы является ее расхождение с официальной информацией Е. Ураловой для республиканского уровня, а документы, рангом ниже, позволяли вести двойную политику, смягчая отражение имевшихся на местах недостатков.

В упомянутом документе констатировалось, что «допущенные (...) ошибки исправлялись очень медленно». А то, что Е. Уралова была прекрасно информирована о нарушениях в других областях, подтверждает ее «предупреждение всех заведующих облоно» — «во избежание в дальнейшем повторения (подчеркнуто нами — А. Т.) таких ошибок». «Реорганизация национальных школ может быть произведена в каждом отдельном случае только с разрешения наркомата просвещения. При этом должен быть соблюден следующий порядок.

1. Вопрос должен быть обязательно обсужден на общем собрании родителей. На собрании должно присутствовать абсолютное большинство родителей.

2. После решения общего собрания вопрос должен быть рассмотрен на заседании президиума райисполкома и облисполкома.

Решения общего собрания родителей, президиума райисполкома и облисполкома через облоно представляются на рассмотрение Наркомпроса. Только после получения Вами решения Наркомпроса реорганизация школы может быть осуществлена»[31].

Парадоксально, но такой инструктаж НКП совершенно не оказал соответствующего влияния на развитие ситуации на местах. Наоборот, накануне нового учебного года перевод школ на русский язык преподавания стал закономерностью. Главным и, что симптоматично, повсеместным аргументом работников облоно и районо для перевода служили объяснения о бесперспективности национальных школ[32] (что вполне соответствовало действительности). По мнению С. Яцкевича, не лишенному логики событийного контекста, власти начали готовиться к проведению восточнобелорусского сценария[33]. Видимо, об этом было известно заведующим облоно, потому что С. Найдин (заведующий

[31] ГАБО, ф. 279, оп. 1, д. 2, л. 169.

[32] НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 1081, л. 42; оп. 27, д. 244, л. 28-29; Государственный архив общественных организаций Гродненской области (далее: ГАОО ГО), ф. 2, оп. 50, д. 4, л. 75; ф. 6195, оп. 1, д. 398, л. 6.

[33] С. Яцкевіч, *Палітыка савецкіх улад адносна нацыянальнага школьніцтва ў Заходняй Беларусі...*, с. 166.

Белостокским районо) просил «дать соответствующие указания о реорганизации польских, еврейских и литовских школ в русские», которых «в Белостокской области совсем мало»[34]. Приводимая им аргументация вызывает в лучшем случае недоумение. Он сообщает, будто «к концу года (учебного — А. Т.) в польских и еврейских школах упала наполняемость»[35], что архивы напрочь опровергают, говоря о «самотеке» учащихся из белорусских школ в польские[36]. Даже массовые репрессивные меры, от которых пострадало в основном польское население[37] (по некоторым оценкам с недавних «крэсов восточных» тогда было вывезено до 150 тысяч детей[38]), не снизили наполняемость польских школ, которая достигла пика именно к концу 1939/40 учебного года (рис. 5). Далее С. Найдин говорит о номинальности польских школ, не обеспеченных ни надлежащими учебниками, ни компетентными учителями, о «не совсем хорошей» перспективе дальнейшего образования, о том, что почти все работники отделов народного образования не владеют польским языком[39], хотя ответственность за такое положение лежит прежде всего на руководстве НКП, в том числе на самом С. Найдине, и советской власти вообще, лишившей в одночасье польские школы возможности функционировать как таковые с перспективами продолжения обучения. К тому же он опирался на «требования польского населения о реорганизации польских школ в рус-

34 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 243, л. 25.

35 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 243, л. 24.

36 ГАОО ГО, ф. 2, оп. 50, д. 16, л. 59; ГАБО, ф. 7580, оп. 1, д. 430, л. 6.

37 По подсчетам на основе исследований польских историков путем арестов, депортаций, призыва в армию присоединенные к БССР территории покинуло около полумиллиона человек, не менее половины из которых составляли поляки (см.: *Deportacje i przemieszczenia ludności polskiej w głąb ZSRR. 1939-1945*, Warszawa 1989, ss. 382; S. Ciesielski, G. Hryciuk, A. Srebrakowski, *Masowe deportacje radzieckie w okresie II wojny światowej*, Wrocław 1994, ss. 231; K. Jasiewicz, *Obywatele Polscy aresztowani na terytorium tzw. Zachodniej Białorusi w latach 1939-1941 w świetle dokumentacji NKWD/KGB*, „Kwartalnik Historyczny", 1994, № 1, s. 105-134; P. Żaroń, *Ludność polska w Związku Radzieckim w czasie II wojny światowej*, Warszawa 1990, ss. 429; тот же, *Obozy jeńców polskich w ZSRR w latach 1939-1941*, Warszawa — Londyn 1994, ss. 615; W. Materski, *Martyrologia obywateli polskich na wschodzie po 17 września 1939*, [в:] *Zbrodnicza ewakuacja więzień i aresztów NKWD na Kresach Wschodnich II Rzeczypospolitej w czerwcu — lipcu 1941 roku. Materiały z sesii naukowej w 55 rocznicę ewakuacji więźniów NKWD w głąb ZSRR. Łódź, 10 czerwca 1996 r.*, Warszawa 1997, s. 8-9; A. Sudoł, *Początki sowietyzacji Kresów Wschodnich Drugiej Rzeczypospolitej (jesień 1939 roku)*, Bydgoszcz — Toruń 1997, s. 121; A. Głowacki, *Sowieci wobec Polaków na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej 1939-1941*, Łódź 1998, ss. 695.

38 T. Bugaj, *Dzieci polskie w ZSRR i ich repatriacja (1939-1952)*, Jelenia Góra 1986, s. 10-14; W. Theiss, *Zniewolone dzieciństwo. Socjalizacja w skrajnych warunkach społeczno-politycznych*, Warszawa 1999, s. 34.

39 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 243, л. 24-25.

ские»[40], но ни одного из них не было приведено и нами также не выявлено. Зато в документе ясно выражена цель русификационных мероприятий — «полная и коренная советизация школы»[41], чему так называемая национальная форма откровенно мешала.

«Лидерами» по нарушениям являлись Белостокская и Вилейская области. В одном только городе Гродно (втором по величине населенном пункте Белостокской области) из 30 неполных средних и средних школ почти в половине были вопиющие нарушения (см. таблицу 5), а в самом Белостоке из 535 учеников белорусской национальности по-белорусски обучались лишь 63, в то же время в русскоязычных классах был 3961 учащийся при 1524 учениках русской национальности во всех школах города (см. таблицу 6). Причем, как видно из этих таблиц, вместо того, чтобы распределить учащихся русской и других национальностей по отдельным школам, их собирали вперемешку, что впоследствии давало основания для перевода таких школ на русский язык обучения. Многочисленные примеры показывают, что зачастую для создания русской школы даже никаких оснований не требовалось: в некоторых из них не было ни одного ученика русской национальности[42]. Те же процессы уже в течение учебного года происходили в Вилейской области. Только из числа белорусских школ 49 были переведены в русские. Как правило, перевод осуществлялся «сверху» (лексика документа), без заявлений родителей[43].

Нарушения при реорганизации были настолько явными и очевидными, что не вписывались даже в рамки «ленинско-сталинской национальной политики». Республиканское руководство и лично первый секретарь ЦК КП(б)Б П. Пономоренко после получения письма «О недостатках в работе партийных и советских органов в западных областях Белоруссии»[44] вынуждены были непосредственно заняться этой проблемой. 30 сентября 1940 г. выходит секретный документ «О фактах извращений ленинско-сталинской национальной политики в школьном строительстве Белостокской области». В нем отмечаются многочисленные нарушения в сфере школьного образования с русификаторским уклоном, исправление которых происходило медленно. Нарком просвещения Е. Уралова обязывалась принять меры «к исправлению и устранению извращений»[45].

Архивные документы последующего времени сообщают об «исп-

40 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 243, л. 24-25.
41 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 243, л. 25.
42 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 246, л. 18-19.
43 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 244, л. 28-30.
44 НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 1081, л. 41-53.
45 НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 1072, л. 166-173.

равлении ошибок национальной политики»[46]. Однако отмечалось, что «искривления исправлены не полностью»: в Белостокской области «количество школ на польском языке увеличилось на 39»[47] — цифра несравнимо меньшая за число школ, ранее переведенных в русскоязычные. Как видно из рис. 4, процент школ на польском языке так и не достиг уровня конца предыдущего учебного года. Это и неудивительно, учитывая то, что вместо «убывшего» по разным причинам населения с преобладанием лиц польской национальности в регион прибыли еще в большем количестве русскоязычные гражданские функционеры и военные (более 1,5 миллиона[48]), концентрировавшиеся главным образом в городской местности (по данным М. Волацича, население некоторых городов увеличилось в два раза[49]), что при проводимой политике обеспечивало русскоязычность городских школ и других учебных заведений.

В то время, когда в отношении школьной реорганизации в Белостокской области уже «принимались меры», в Вилейской продолжали в точности повторять осуждаемые высшими республиканскими инстанциями действия. НКП БССР также дал «указание заведующему Вилейскому облоно т. Горбаченко полностью исправить допущенные ошибки при проведении реорганизации национальных школ»[50].

В буквальном смысле решения властей вызывают сомнения в искренности, ибо на практике их воплощения в полной мере так и не состоялось — в отличие от некоторых иных документов подобного рода. Что это, как не пример двойной игры, очевидная сторона которой проникнута популизмом, а теневая направлена на осуществление государственной политики по объединению наций в один, советский народ. К тому же, несмотря на постановление наказать виновных[51], санкций почти не последовало. Зафиксированы единичные случаи. Со строгим выговором был отозван из западных областей С. Найдин[52], достаточно преуспевший в деле русификации. Был уволен с работы и исключен из партии фактически в этой же связи заведующий Пинским районо[53]. Массовых увольнений не могло произойти, так как они бы негативным об-

46 ГАОО ГО, ф. 6196, оп. 1, д. 424, л. 52-54.
47 ГАОО ГО, ф. 2, оп. 50, д. 67, л. 38.
48 K. Jasiewicz, *Zagłada polskich Kresów. Ziemiaństwo polskie na Kresach Północno-Wschodnich Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką 1939-1941. Studium z dziejów zagłady dawnego narodu politycznego*, Warszawa 1998, s. 87.
49 М. Волаціч, *Насельніцтва Заходняй Беларусі і яго перасяленне між сучаснай Польшчай і БССР*, [в:] *Беларускі зборнік*, Мюнхен 1956, кн. 4, с. 17.
50 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 244, л. 30.
51 НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 1072, л. 47-48.
52 НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 1072, л. 47.
53 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 244, л. 24.

разом повлияли на процесс советизации школы, для чего и были командированы «восточники».

Стоит заметить, что нарушения в деле формирования национальной сети в западных областях Белоруссии не ограничивались ее неправильной реорганизацией. Русификация осуществлялась в значительной части национальных школ по причине отсутствия в поставленных властью условиях возможностей функционировать на языке местного населения. Здесь сказывался недостаток нужных ресурсов: например, учителя, не владея языком национальной школы, чему, конечно, не могли помочь краткосрочные курсы, преподавали свои предметы на ином языке (например, польском вместо белорусского[54] или русском вместо белорусского[55]) или на «смешанном» (лексика документа), под коим подразумевалось смешение чаще всего польского и русского языков[56]. Т. е. в ходе неправильного распределения педагогических кадров национальные школы не соответствовали своему статусу, что усугублялось отсутствием учебников на нужном языке[57]. Как видно из следующего отрывка архивного документа, создание национальных школ являлось лишь средством советизации: «В условиях западных областей правильное разрешение национального вопроса, в том числе и в школьном строительстве, приобретает исключительное государственное значение (...) обучение детей на их родном языке облегчает задачу и ускоряет их коммунистическое воспитание»[58]. Таким образом, так называемая национальная форма служила социалистическому содержанию — действительной цели советской власти, в процессе достижения которой средства могли меняться (и менялись).

Как видно, создание школ, «национальных по форме», протекало противоречиво. Учитывая диалектическую неразрывность формы и содержания, многие причины утрирования и во многих случаях профанирования надо искать именно в содержании школьного обучения. Не только советская, но иногда и современная историография не избегали ошибки, корни которой — в архивных источниках, где реакция противостояния (активного или пассивного) относится буквально на счет организации *национальной* школы (например, белорусы требовали перевода школы на польский язык преподавания[59]), но, анализируя эту ре-

54 ГАГО, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 28.
55 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 244, л. 11.
56 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 243, л. 24; Войцешук Дмитрий Максимович, 1923 г. р., д. Гобяты, гмина Грудэк, Белостокское воеводство.
57 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 243, л. 24; Я. Мірановіч, *Навейшая гісторыя Беларусі*, Беласток 1999, с. 120.
58 ГАОО ГО, ф. 2, оп. 50, д. 4, л. 158.
59 ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 410, л. 314-315.

акцию, находятся совершенно иные причины, а именно — организация *советской* школы с ее жестким идеологическим уклоном, отменой свободы вероисповедания, контролем за жизнью ученика и учителя вне школы. А эксцессы на национальной почве, имевшие все же место, можно сказать, были созданы руководством искусственно: например, из-за создания средних школ с русским языком преподавания для детей «восточников», формирования смешанной школы, в которой практически одна из сторон имела привилегированное положение, «выселение» польской школы русской в гораздо худшее помещение[60]. Хотя надо признать, что часть населения белорусской национальности, имея устойчивый, подкрепленный отсутствием перспектив обучения на родном языке стереотип о ненужности собственного языка, который сформировался столетиями русификации и полонизации, занимала позицию в пользу создания русскоязычных школ[61].

После 17 сентября 1939 г. школа становиться проводником новой идеологии. Квинтессенция ее требований к школьному образованию четко выражена в отчете Вилейского обкома КП(б)Б: «В системе коммунистического воспитания трудящихся школа занимает особо важную роль. Перед школой стоит задача подготовить всесторонне развитых членов коммунистического общества. Она должна обеспечить действительное, прочное и систематическое усвоение детьми основ наук, знание фактов и навыки правильной речи, письма, математических упражнений и пр.»[62]. Обычно подчеркивалось первоплановость того, что новая школа должна «воспитывать в духе патриотизма, интернационализма и быть школой коммунизма»[63]. К тому же перед школой бывших «крэсов северо-восточных» ставилась задача «в наиболее короткие сроки и наиболее эффективно перестроить идеологию учащихся и привить им наше коммунистическое мировоззрение»[64]. С января 1940 г. все школы переходили на единые программы, отличавшиеся лишь языками обучения в разных национальных школах. Поскольку 1939/40 учебный год являлся этапным при унификации школ западных областей Белоруссии, для них были разработаны специальные программы с учетом знаний, приобретенных учащимися в школах Польши, по выражению П. Паномаренко,

60 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 243, л. 1.

61 А. Вабішчэвіч, *З нацыянальнага-культурнага жыцця заходніх абласцей БССР...*, с. 204.

62 *Народное образование в БССР. Сборник документов и материалов*, т. 2: *1928-1941 гг.*, с. 323.

63 По: O. Pietrowska, *Polityka w dziedzinie oświaty i kultury na obszarze Polesia Brzeskiego w latach 1939-1941*, [в:] *Społeczeństwo białoruskie, litewskie i polskie na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939-1941*, Warszawa 1995, s. 173.

64 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 240, л. 18.

«в сторону (...) идейного и академического оздоровления»[65].

Преподавание предметов сводилось к полному отсутствию либерализма и подчинялось в каждом своем моменте господствующей идеологии. Природоведение, например, основывалось на трудах Мичурина и Лысенко[66]. А наиболее политизированным предметом была история, развитие которой объяснялось через призму марксизма-ленинизма с акцентом на освободительную роль Страны Советов и мировую революцию. Практическим материалом даже при преподавании точных дисциплин должны были служить примеры из социалистического строительства и противостояния социалистического строя с капиталистическим, где социализм имел наивысшие показатели. Не допускались примеры, в которых советская власть могла каким-то образом дискредитироваться, что угрожало последствиями вплоть до ареста. Неудовлетворительным признавалось обучение, в котором «учитель недостаточно связывает преподаваемый материал с интернациональным и антирелигиозным воспитанием учеников»[67].

Сознательное игнорирование гуманитарных предметов, уменьшение часов, отводимых на их обучение, в ходе изменения учебных программ происходило примерно пропорционально увеличению внимания точным дисциплинам. При их преподавании, как и «завещал» В. И. Ленин[68], необходимо было «приблизить теорию к практике, увязав вопросы теории с жизнью, техникой»[69].

Антирелигиозная деятельность выходила далеко за рамки школы и вторгалась в семейную жизнь учащихся, разрушала многовековые традиции, хотя первоначально ЦК КП(б)Б постановлялось «обеспечить глубокую разъяснительную работу, исключающую всякое администрирование и грубость, могущие оскорбить чувства верующих»[70]. На самом деле стояла задача именно «вырвать детей из-под влияния церкви и фанатичных сектантов», в чем особая роль отводилась безальтернативным[71] комсомольскому и пионерскому движениям[72]. Распростране-

65 П. Панамарэнка, *З'еднанне беларускага народа*, „Чырвоная змена", 1940, 10 лютага, с. 3.

66 O. Pietrowska, *Polityka w dziedzinie oświaty i kultury na obszarze Polesia Brzeskiego...*, s. 174.

67 ГАБО, ф. 7580, оп. 1, д. 427, л. 14.

68 В. И. Ленин, *Полное собрание сочинений*, т. 38, Москва 1974, с. 96.

69 *Народное образование в БССР. Сборник документов и материалов*, т. 2: *1928-1941 гг.*, с. 366.

70 Там же, с. 303.

71 Во II Речи Посполитой «было очень много разных детских и юношеских политических организаций», действовали спортивные движения, а также движения национального характера (еврейские): ГАБО, ф. 7583, оп. 1, д. 42, л. 1-10.

72 И. О. Царюк, *КПБ — организатор культурного строительства ...*, с. 42-43, 50-52.

ние охвата детей пионерскими отрядами было настолько стремительным, что даже советские статисты указывали заниженные данные, говоря о 650 отрядах с 22 833 пионерами на октябрь 1940 г.[73], ведь в 1940/41 учебном году только в трех областях из пяти созданных в 1939 г. (Белостокской, Вилейской, Пинской), по данным архивов, существовало 877 отрядов с не менее чем 30 000 пионеров[74]. Правда, пример Белостокской области свидетельствует, что преобладающее большинство пионерских отрядов находилось в городской местности[75].

Процесс расширения пионерской организации и ее воздействия на детей происходил не так гладко, как это может показаться из приведенных цифр. Довольно крепкие жизненные устои жителей западнобелорусского региона, принадлежавших в основном к трем религиозным конфессиям (православию, католичеству, иудейству), зачастую являлись существенной преградой распространению в этой среде коммунистической идеологии и иногда приводили к оттоку из пионерских отрядов[76]. Архивами зарегистрированы многочисленные факты непринятия и даже сопротивления таким новшествам среди подрастающего поколения. Чаще всего использовалась пассивная форма противостояния. Она была характерна для представителей всех трех конфессий. В дни религиозных праздников (а евреи еще и по субботам) ученики отказывались писать или вообще не посещали школы[77]. Искоренение преподавания религии произошло не сразу после официального ее запрещения. Даже в школах поначалу имела место учебная деятельность ксендзов[78]. Впоследствии она переместилась в культовые заведения, но и там ее преподавание, а тем более антисоветская агитация или деятельность подвергались элиминации[79]. Иногда ученики самостоятельно принимали решения о проведении молитв после уроков, приурочивая их к государственным праздникам Польши[80]. Еврейское население имело при многих синагогах также нелегальные религиозные школы, внимание

73 *Гісторыя Беларускай ССР.* У 5-і тамах, т. 4, Мінск 1975, с. 109.

74 Подсчитано автором по: ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 400, л. 32; *Народное образование в БССР. Сборник документов и материалов*, т. 2: *1928-1941 гг.*, с. 373; ГАБО, ф. 7583, оп. 1, д. 98, л. 78.

75 См.: ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 291, л. 8.

76 ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 410, л. 314.

77 ГАБО, ф. 7581 «П», оп. 1, д. 19, л. 221; НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 108, л. 17; ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 400, л. 31, 77.

78 M. Gnatowski, *Antyreligijna działalność władz radzieckich w regionie białostockim w latach 1939-1941 w świetle dokumentów*, „Studia Podlaskie", 1997, t. VII, s. 160-161.

79 M. Gnatowski, *Niepokorna Białostocczyzna. Opór społeczny i polskie podziemnie niepodległościowe w regionie białostockim w latach 1939-1941 w radzieckich źródłach*, Białystok 2001, s. 83, 99.

80 Там же, с. 150-152.

к которым со стороны органов НКВД угрожающе усилилось с февраля 1941 г.[81]

Более всего эксцессов в связи с оккупацией и советизацией школы происходило в Белостокской области, среди жителей католического вероисповедания. Многие гимназисты еще в сентябре 1939 г. приняли участие в боях против Красной Армии[82]. А после установления советской власти патриотическая деятельность продолжалась подпольно. По сообщению Е. Семашко, «в Гродно параллельно действовали (...) конспиративные ячейки, в том числе польская военная организация, основу которой составляли ученики местных гимназий. Вскоре она установила контакты с учащейся молодежью по всей территории Западной Белоруссии, стали регулярно курсировать связные, начались совместные скоординированные акции по антисоветской пропаганде»[83]. В польской историографии сообщается об инструкторах, возглавляющих молодежные подпольные организации харцеров[84] (аналог пионеров и комсомольцев в учебных заведениях II Речи Посполитой). Противостояние идеологическому засилью приобретало формы антагонизма и конфронтации. Учащиеся действовали как подпольно, так и открыто. Уничтожали советскую атрибутику, вывешивали антисоветские листовки, лозунги и портреты деятелей Польши, выказывали недовольство советской властью, выступали против изучения белорусского и русского языков[85]. (Следует отметить, что непринятие белорусского языка наблюдалось и среди детей приезжих[86], которые к тому же часто не отличались прилежной дисциплиной[87].) В некоторых случаях доходило до травли, физической борьбы с комсомольцами и пионерами и таких же

81 См. подробнее: Е. Розенблат, *Иудаизм и советская власть в западных областях Беларуси (1939-1941 гг.)*, [в:] *Radziecka agresja 17 września 1939 r. i jej skutki dla mieszkańców ziem północno-wschodnich II Rzeczypospolitej*, Białystok 2000, с. 186-191.

82 W. K. Cygan, *Kresy w ogniu. Wojna polsko-sowiecka 1939*, Warszawa 1990, s. 32, 46; J. Siemiński, *Przyszliśmy, żeby was wyzwolić. Wspomnienia z Grodna i Stanisławowa (1939-1944)*, Białystok 1992, s. 12-16.

83 Я. І. Сямашка, *Армія Краёва на Беларусі*, Мінск 1994, с. 16.

84 R. Wnuk, *Polska konspiracja antysowiecka na Kresach Wschodnich II RP w latach 1939-1941 i 1944-1952*, [в:] *Tygiel narodów. Stosunki społeczne i etniczne na dawnych ziemiach wschodnich Rzeczypospolitej 1939-1953*, Warszawa 2002, s. 162, 209.

85 ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 9, л. 113; д. 291, л. 10; д. 398, л. 128; ф. 2, оп. 50, д. 1, л. 211; ф. 6196, оп. 1, д. 424, л. 51; НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 243, л. 2, 6, 8; ГАБО, ф. 7580, оп. 1, д. 152, л. 12.

86 ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 9, л. 114.

87 ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 291, л. 10; K. Jasiewicz, *Aparat sowiecki na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej jako model patologiczny funkcjonowania klasy politycznej (1939-1953)*, [в:] *Tygiel narodów. Stosunki społeczne i etniczne na dawnych ziemiach wschodnich Rzeczypospolitej 1939-1953*, Warszawa 2002, s. 72-73.

антисемитских проявлений[88]. В Лиде, Ломже и некоторых других городах и местечках западных областей БССР состоялись школьные забастовки[89]. С целью нейтрализации таких явлений принимались соответствующие меры. «На разработку антисоветского элемента среди учительства и учащихся старших классов» вербовались «секретные осведомители». Причем из документов понятно, что теми агентами являлись сами школьники, которые доносили на своих товарищей[90]. Наиболее активные учащиеся вследствие тех мер подвергались гонениям и арестам[91]. Причем такие меры имели характер отнюдь не единичный. В одной только гимназии Августова (Белостокская область) было арестовано 40 учащихся, среди которых были 12-13-летние подростки[92]. Из всего количества членов выявленных на 27 июля 1940 г. «контрреволюционных» организаций в западных областях БССР школьной молодежи насчитывалось 1190 человек (или 13,6%)[93]. Зная о многочисленности сфабрикованных дел по антисоветской деятельности, следует предположить, что и в данном случае количество выявленных «контрреволюционеров» было завышено, как, кстати, и вина их деятельности, в чем убеждают приведенные здесь практические примеры. Однако несомненно, что антисоветские выступления в школьной среде имели массовый и активный характер, что подкрепляет также богатый материал, собранный гродненскими исследователями[94].

К весне 1941 г. антисоветская деятельность учащихся была в основном ликвидирована. Даже в самых экстремистских, польских школах «по данным на март 1941 г. была достигнута почти нормальная посещаемость во время религиозных праздников», в чем сыграло роль постановление ЦК КП(б)Б «О состоянии антирелигиозной пропаганды в западных областях БССР» от 10 февраля 1941 г.[95] Вместо религиозных праздников

88 ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 291, л. 9; ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 399, л. 27-28.

89 ГАБО, ф. 7580, оп. 1, д. 152, л. 12; А. Вабішчэвіч, *З нацыянальна-культурнага жыцця заходніх абласцей БССР...*, с. 201; T. Strzembosz, *Konspiracja na ziemi augustowskiej pod okupacją radziecką (1939-1941)*, „Przegląd Historyczny", 1992, z. 3, s. 672.

90 ГАБО, ф. 7580 «П», оп. 1, д. 26, л. 310-311; д. 248, л. 36-40; Archiwum Wschodnie przy Ośrodku «KARTA» w Warszawie, Bakiński S., sygnatura II/607, s. 35.

91 ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 291, л. 9; НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 108, л. 17; W. Kania, *Bolszewizm i religia*, Rzym 1945, s. 99-100.

92 W. Batura, A. Makowski, J. Szlaszyński, *Dzieje Augustowa od założenia do 1945 roku*, Suwałki 1997, s. 291.

93 M. Gnatowski, *Niepokorna Białostocczyzna...*, s. 207.

94 См.: *Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939-1954): Монография*, С. А. Ситкевич, С. А. Сильванович, В. В. Барабаш, Н. А. Рыбак, Гродно 2004, с. 133-136.

95 Е. Еленская, *Антирелигиозная агитация и пропаганда в западных областях Беларуси. 1939-1941*, [в:] *Radziecka agresja 17 września 1939 r. i jej skutki dla miesz-*

широко и напыщенно стали отмечать красные даты новой государственной доктрины[96], в чем школы должны были принимать обязательное активное участие. Даже молчаливое прохождение колонны учащихся во время демонстрации в честь Октябрьской революции, имевшее место в г. Бресте, расценивалось как форма протеста[97].

Многочисленность документов о «контрреволюционной», антисоветской настроенности и часто даже активной деятельности среди учащихся учебных заведений[98] свидетельствует о том, что школа, особенно в Белостокской области, являлась одним из очагов непримиримости с новой властью и подпольной борьбы против нее[99]. Юношеский максимализм, не терпящий конформизма, зачастую выступал в качестве той лакмусовой бумажки общественных взглядов, которую хотели, но так и не смогли в полной мере ликвидировать органы большевистской власти, что проявлялось на протяжении всего рассматриваемого периода. В прошлом секретный рапорт секретарю Белостокского обкома КП(б)Б Кудряеву от 10 мая 1941 г. говорит о «господствовании» (термин документа) антисоветских настроений среди учащихся и учителей в школах типичного городка Белосточчины Августова[100].

Развернувшаяся антирелигиозная кампания, хотя и не смогла привить основной массе учеников атеистическое мировоззрение, принесла свои плоды в виде формального соблюдения минимальных требований: например, посещения школы во время религиозных праздников, прекращения антисоветских выступлений.

Еще со времен XIX столетия у поляков накапливался опыт конспиративного школьного обучения, которое оперативным образом широко распространилось на захваченной Германией территории. Однако на присоединенных к БССР землях можно говорить лишь о существова-

kańców ziem północno-wschodnich II Rzeczypospolitej, Białystok 2000, c. 174.

96 См. подробнее: W. Śleszyński, *Rocznice i święta państwowe obchodzone na Białostocczyźnie w latach okupacji sowieckiej 1939-1941*, „Biuletyn Historii Pogranicza", 2001, № 2, s. 89-97.

97 По: О. В. Петровская, *Реалии советской жизни...*, с. 236.

98 Такие материалы в достаточной для представления степени введены в научный оборот польским историком М. Гнатовским: M. Gnatowski, *Niepokorna Białostocczyzna...*; тот же, *W radzieckich okowach. Studium o agresji 17 września 1939 r. i radzieckiej polityce w regionie łomżyńskim w latach 1939-1941*, Łomża 1997, s. 159-275.

99 Кстати, именно так характеризуется в письме начальника НКВД Барановичской области полковника Мисюрева секретарю Барановичского областного комитета КП(б)Б Туру Несвижская гимназия до ее реорганизации: *Okupacja sowiecka (1939-1941) w świetle tajnych dokumentów. Obywatele polscy na kresach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką w latach 1939-1941*, Warszawa 1996, s. 217.

100 M. Gnatowski, *Niepokorna Białostocczyzna...*, s. 399-401.

нии элементов тайного обучения, да и то в незначительных масштабах[101]. При жестком тотальном контроле подпольную систему образования организовать было практически невозможно. Вот почему такое внимание по реализации всеобуча на инкорпорированной территории можно объяснить как целями скорейшей и тотальной ее советизации, так и тем, что, возможно, советское правительство располагало сведениями о тайном обучении на захваченной Германией части II Речи Посполитой и таким образом старалось предотвратить возникновение оного у себя. В этом аспекте советский режим был гораздо жестче за оккупационную власть в восточной части Польши.

Реорганизация польской школьной системы в советскую, безусловно, предполагала соответствующее формирование педагогических кадров. Предыдущая кадровая политика, как было принято, остро критиковалась: прежде всего за то, что согласно ей, для работы отбирались самоотверженные патриоты Польши, а представители национальных меньшинств попадали в жесткую дискриминацию, подвергались массовым увольнениям[102].

Создание советской педагогической армии в школах бывших «крэсов северо-восточных» осуществлялось несколькими путями. Основным ресурсом для этого стали местная интеллигенция, лояльная к советской власти, и кадры, присылаемые на присоединенные земли в роли авангарда с востока.

Вообще, судя по данным докладной записки народного комиссара просвещения Е. Ураловой секретарю ЦК КП(б)Б В. Малину, в которой сообщалось об имеющемся количестве учителей и их нехватке по всей БССР, контингент педагогов в школах Западной Белоруссии должен был составить почти 25 тысяч человек[103]. Поэтому, несмотря на поставленные идеологические задачи, чтобы не подвергать кризису функционирование школ, Советы не могли игнорировать (во всяком случае на первоначальном этапе) 13 666 учителей (данные по документе от 25 октября 1939 г.), которые работали в школах II Речи Посполитой и остались в советской школе, хотя среди них видели много антисоветских элементов[104]. Например, в Новогрудском районе учителя, работавшие

101 J. Siemiński, *Grodno walczące. Wspomnienia harcerza*, Białystok 1992, s. 144-147; G. Lipińska, *Jeśli zapomnę o nich...*, Warszawa 1998, s. 52; Е. Розенблат, *Иудаизм и советская власть в западных областях Беларуси...*, с. 186-191; W. Wincenciak, *Łomżyńskie tradycje oświatowe a szkolnictwo w czas radzieckiej i niemieckiej okupacji*, Łomża 2001, s. 108-109; M. Towiańska-Michalska, *Dzieciństwo w wojennym Łunińcu*, [в:] *Moje wojenne dzieciństwo. Wspomnienia nadesłane na konkurs*, t. 1, Warszawa 1999, s. 177.

102 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 158, л. 24.

103 Подсчитано автором по: НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 240, л. 46, 48.

104 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 158, л. 24.

при польской власти, составляли почти 30% от общего количества[105], а по Белостокской области — до 1940/41 учебного года не менее 25%[106]. Значительная часть предыдущих педагогических кадров, как свидетельствуют разные источники, пока это было возможно направлялось (нередко попросту бежали[107]) за границу[108] (в Германию[109] и Литву[110]), из-за чего многие школы или совсем не функционировали, или работали очень плохо[111]. Особенно много заведений из-за отутствия учителей не начинало работу среди начальных школ. Еще в марте 1940 г. по всем западным областям БССР таких школ было около 200[112]. Причины заключаются в том, что в недавнем прошлом эти школы имели по одному или два учителя, уход которых (в связи с эмиграцией, депортацией, повышением квалификации и др.) прекращал учебный процесс[113].

Сложными и противоречивыми были взаимоотношения между старыми учительскими кадрами и советской властью. Педагогам бывших польских и еврейских школ (только такие школьные заведения остались на «крэсах северо-восточных» к 1939 г., да еще три русские и одна немецкая[114]), тем, которые «признавали советскую политику реорганизации системы народного образования в Западной Белоруссии, гарантировалась работа по специальности»[115]. Обычно рапортовалось, что «основная масса учителей с большим подъемом принялась за работу в советской школе»[116]. Однако рядом с такими аморфными заявками в отчетах фигурировали конкретные факты и цифры, сообщения о существенных недостатках в школьной работе, связанных прежде всего с «засоренностью» учительских кадров «чуждыми элементами» (лексика документов), что среди ряда проблем расценивалось как «самый крупный недостаток в школьной работе». Например, согласно им, 600

105 Подсчитано автором по: ГАБО, ф. 7580 «П», оп. 1, д. 162, л. 13.

106 Подсчитано автором по: ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 398, л. 67; д. 399, л. 221, 275; М. В. Василючек, *В семье единой*, Мінск 1977, с. 102.

107 М. Волаціч, *Насельніцтва Заходняй Беларусі...*, с. 16-17.

108 ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 399, л. 27; устное сообщение И. М. Гайтюкевича 1919 г. р. (д. Большие Круговичи, Ганцевичский район, Брестская область).

109 Подробнее об обмене населением между Германией и СССР см.: И. Кузнецов, *По обе стороны пакта*, „Народная газета", 1995, 25 жніўня, с. 4.

110 ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 398, л. 14-17.

111 НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1774, л. 63.

112 ГАБО, ф. 282, оп. 1, д. 3, л. 52.

113 F. Januszek, *Polityka oświatowa ZSRR na okupowanych terenach wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939-1941 (na przykładzie województwa białostockiego)*, „Przegląd Historyczno-Oświatowy", 1991, № 3-4, s. 137.

114 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 158, л. 21.

115 Е. Андреева, Л. Лыч, *Возрождение национальной школы*, „Коммунист Белоруссии", 1989, № 9, с. 25-27.

116 ГАБО, ф. 1 «П», оп. 1 «б», д. 3, л. 133.

учителей только в Брестской области являлись «выходцами из буржуазных, помещицких и поповско-ксендзовских семей»[117]. Они в ходе регистрации социального происхождения брались на учет и становились потенциальными претендентами на увольнение или репрессирование в зависимости от их деятельности и деятельности их родных в разные периоды истории, начиная с дооктябрьских времен.

«Для того, чтобы нам решительно улучшить работу наших школ и органов народного образования мы должны: особенно внимательно следить за социальным и политическим лицом учительских кадров, очищать их от враждебных людей, а засоренность этих кадров особенно большая»[118]. Приведенная выдержка из архивного документа достаточно показательно свидетельствует об оценке властью положения с педкадрами реорганизованных школ. Социальное происхождение стало лакмусовой бумажкой при характеристике педагогических кадров реорганизуемой сети школ. Часто этот критерий стоял впереди образовательного уровня учительства[119] и являлся пропуском для получения работы.

Вообще же проверка лояльности к советской власти органами НКВД всех слоев населения, интеллигенции в особенности, социального состава регионов (акцент делался на тех, которые стали приграничными, например, Ломжинский район[120]) началась с первых дней появления Красной Армии на землях восточных воеводств Польши. Учительство здесь попало под самый внимательный надзор, потому что, по мнению новых властей, как следует из докладной записки заместителя народного комиссара просвещения К. Чернова, в школы приграничных с БССР уездов направлялись учителя — агенты польской дефензивы, да и в остальных школах работали прежде всего преданные правительству люди[121]. (Это, к слову, опровергает непосредственный участник событий учитель польской и советской школ Б. Кит, говоря также о правовой защищенности учительства II Речи Посполитой даже при их диссидентских взглядах[122], о чем при Советах не могло быть и речи.)

Наиболее оперативно репрессивная машина развернулась на землях Виленщины, которые передавались Литве: по сообщению народного комиссара НКВД Белоруссии, которое сохранялось под грифом «Со-

117 ГАБО, ф. 1 «П», оп. 1 «б», д. 3, л. 134.
118 ГАБО, ф. 7580 «П», оп. 1, д. 152, л. 13.
119 См., например, документы по школам Гродно: ГАГО, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 11, 57.
120 НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1774. л. 63; см. там же, л. 1-9 (Пинский уезд), 21-26 (Гродненский уезд), 27-34 (Слонимский уезд) и др.
121 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 158, л. 24.
122 *Цярновы шлях. Аповяды Барыса Кіта, запісаныя Васілём Быкавым улетку 2001 году ў Франкуфце-на-Майне*, „Полымя", 2002, № 3-4, с. 49-50.

вершенно секретно», кроме в нем уже упомянутых (! — А. Т.) польских и сионистских организаций, «по городу Вильно на 5 октября этого года установлены 253 (! — А. Т.) общественные организации с полными установочными, характеризующими данными (название, время создания, фамилии руководителей, местонахождение и характеристика деятельности их)», в том числе «Союз польских учителей»[123].

На остальной присоединенной территории такого «цейтнота» не было, что позволило процесс перетряски и фильтрации педагогических и не только кадров проводить не так резко, но и не настолько медленно, чтобы интенсивность и экстенсивность процесса нельзя было заметить[124]. К тому же непривыкшие к условиям «демократии по-советски», неудовлетворенные политикой реформирования школьничества учителя сами часто создавали прецеденты для обвинения их в «контрреволюционной» деятельности.

Чаще это было стихийно и даже несознательно, видно, «по инерции» системы образования Польши и установившейся культуры вообще, много чего из которой сделалось при советской власти негативным, иной раз даже независимо от объекта, который нарушал советские нормы. С большим возмущением документы того времени рассказывают о разного рода учителях-диссидентах, сегодня вина которых выглядит нонсенсом: в деревне Остров «учительница Ольховская М. Ю. дочка попа (...) не участвует в общественной жизни, держит себя в стороне от всего»; «учительница Довкша В. С. деревни Елуцевичи (...) ходит в костел, поэтому имеет свое влияние на детей»; «учительница деревни Ярнева (...) Богданович А. М. в прошлом крупная кулачка, имела 40 га земли, 4 коней, 3 коровы. Муж, офицер, находится в плену в Германии» (все Зельвенский район)[125]; Бадилькис (учитель Гродненской СШ) дал ученикам задачу на проценты, при чем по условиям ее в результате получилось, что «цифра голосовавших за кандидатов блока коммунистов и беспартийных не превышает 67% избирателей» (надо понимать, непозволительно мало)[126].

123 НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1683, л. 11.

124 Потом в советских работах старались ограничиваться полуконкретными фразами, не раскрывая сложной сущности проблемы, сообщая только, что старые кадры имели реакционную часть, которая усложняла «проведение в жизнь мероприятий партии и правительства в деле культурного строительства и внедрения советской педагогики в системе народного просвещения» в западных областях Белоруссии в конце 1939 г. (см.: І. Царук, *З гісторыі развіцця савецкай школы ў заходніх абласцях Беларусі*, с. 37; І. О. Царук, *Рост культуры заходніх абласцей БССР за гады Савецкай улады: Да 20-годдзя ўз'яднання Беларусі*, Мінск 1959, с. 12).

125 ГАБО, ф. 7580 «П», оп. 1, д. 419, л. 40.

126 ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 9, л. 113.

Более тяжелыми преступлениями являлись проявления антисемитизма[127], преподавание уже запрещенной и 7 декабря 1939 г. практически выброшенной из школы религии[128] или чтение молитв в школе[129], отказ проводить антирелигиозную работу и участвовать в социалистическом соревновании между школами[130], саботаж и противостояние советизации школы[131], попытка защиты арестованного НКВД коллеги[132], содействование[133] и тем более организация ученической антисоветской деятельности (в Свентянах старшеклассники гимназии под руководством профессора французского языка В. Урбанова создали группу для «ведения контрреволюционной пропаганды среди учеников»[134]), не говоря уже о националистических настроениях, которые наблюдались в польских[135], еврейских, литовских и других школах[136], агитации против присоединения к Советской Белоруссии[137], вопросах у партийного руководства о причинах закрытия национальных школ[138] и т. п.

Иногда антисоветские выступления работников просвещения приобретали очень серьезный характер. Но особенно здесь выделялся Ломжинский регион, состоящий из западных, т.е. приграничных районов Белостокской области, по определению когда-то секретного документа, «в политическом отношении (...) исключительно реакционных»: педагогический состав в школах был настроен откровенно враждебно к советской власти и повсеместно был замешан в подпольной антисоветской деятельности[139]. Такое положение со стороны соответствующих органов вызывало жесточайшие меры. Бывали случаи ареста пре-

127 ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 399, л. 27; д. 9, л. 113.

128 Тогда всем директорам школ Наркомпрос дал указание о прекращении преподавания религиозного предмета и снятии во всех школах крестов (НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1774, л. 18).

129 ГАБО, ф. 7580 «П», оп. 1, д. 430, л. 6.

130 ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 9, л. 113.

131 ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 399, л. 27.

132 ГАБО, ф. 7580 «П», оп. 1, д. 162, л. 11-14.

133 НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1774, л. 63.

134 НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1683, л. 18-19..

135 К заключенному 28 сентября 1939 г. договору о дружбе и границах между СССР и Германией прилагался секретный протокол, согласно которому предусматривалось, что обе стороны не должны допускать на своих территориях никакой польской агитации; они обязывались ликвидировать все источники подобной информации и взаимно информировать о мерах, принятых с этой целью (*Документы внешней политики. 1939*, т. XXII: В 2 кн., кн. 2: *Сентябрь-декабрь*, Москва 1992, с. 135-136).

136 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 240, л. 52.

137 А. Вабішчэвіч, *Уз'яднанне*, „Полымя", 2000, № 9, с. 199.

138 Л. Смілавіцкі, *Невядомыя старонкі беларускай школы*, „Полымя", 1994, № 12, с. 197.

139 M. Gnatowski, *W radzieckich okowach...*, s. 220-283.

подавателей прямо в помещении районо[140] или во время уроков[141]. Доходило до того, что учителя бросали школу и из-за страха постоянно меняли место ночлега, чтобы их не схватили[142]. В Бельске (Белостокская область) в октябре 1940 г. зарегистрирован случай самоубийства местной учительницы (после перевода ее из белорусской школы в еврейскую)[143]. Такого бесправия, порождающего психоз, и близко не наблюдалось в Польше. Выселение классово чуждых и ликвидация вражеских элементов напугало учителей, заставило надеть «маску лояльности», хотя, по мнению власти, они оставались верными предыдущим убеждениям[144]. Тоталитарные меры, предпринятые советской властью для контроля в отношении учителей, по своей жесткости не шли ни в какое сравнение с дискриминацией учительства досентябрьского периода, что не могло не вызвать различного рода реакции со стороны педагогов.

На учительской конференции Пружанского уезда 17 декабря 1939 г. выделилась группа реакционных (с точки зрения новой власти) учителей. При обсуждении кандидатур для внесения в список тайного голосования они пробовали провалить кандидатуры левонастроенных учителей. Оказавшись в меньшинстве, подняли крики и шум, что, однако, не помешало провести в список намеченные кандидатуры. Секретарем конференции был бывший доцент Виленского университета (фамилия не сообщается), который в свое время подписал заявление в адрес польского сейма, чтобы выселить евреев в Палестину, и когда при обсуждении его кандидатуры был разоблачен, он бросил писать протокол конференции и демонстративно вышел, заявив: «Еще посмотрим, что будет дальше»[145]. Судьба таких, как вышеупомянутый В. Урбанов и бывший «буржуазный» доцент, была предопределена.

Абсолютное большинство таких коллизий припадает на «пропольских» учителей (что понятно, учитывая предыдущий период их трудовой деятельности). Однако не исключением были антисоветские выступления и в среде литовского школьничества, педагогические кадры которого были укомплектованы неудовлетворительно «как по деловой подготовке, так и по политической благонадежности»[146], но незначительный удельный вес литовских школ, видно, обуславливал меньшее внимание к ним руководства республики.

140 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 224, л. 33.
141 T. Strzembosz, *Konspiracja na ziemi augustowskiej...*, s. 672.
142 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 243, л. 8.
143 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 243, л. 3.
144 ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 398, л. 14-17.
145 Близко к тексту по: НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1774, л. 64.
146 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 255, л. 161.

НКВД готовил «списки на высылку национально-сознательных и всех классово-ненадежных элементов занятой территории»[147], куда, безусловно, попадали подозрительные или тем более настроенные против Советов учителя, репрессии которых (обычно в форме депортации) протекали в общем репрессионном контексте по западным областям Белоруссии[148], а особенно много учительства было вывезено во время одной из волн депортаций[149] (в апреле 1940 г.[150]). По некоторым подсчетам, только из бывшего Белостокского воеводства было депортировано около 300 учителей, большинство из которых (263 человека) там и ушли из жизни. К этим данным необходимо прибавить репрессированных учителей — офицеров резерва (Белосточчина потеряла таким образом еще 64 педагогов)[151]. Результаты депортационной акции могли иметь непосредственную зависимость от постановления Совета народных комиссаров о рассмотрении школьных педкадров «под углом их атеистического отношения к религии» (22 апреля 1940 г.); по мнению А. Бобовика, таким образом определялась квалификация учителей для работы в следующем учебном году[152].

Это дало основания вскоре некоторым органам советской власти рапортовать, что «за время после реорганизации школ города (Гродно — А. Т.) и перехода их на советские программы преподавания, партийные и советские организации города оказали помощь школам в наведении большевистского порядка, парторганизация сплотила учительский коллектив, значительно очистила его от враждебных элементов»[153]. Таким образом, уже до 1940/41 учебного года, как правило, силовыми методами власти в основном «разобрались» с проблемой тех педагогических кадров, которые остались им в наследство от II Речи Посполитой, часть их была репрессирована (количество элиминированной польской интеллигенции в западных областях БССР, по некоторым оценкам, составляет 80%[154]), а большинство остальных этим запугано.

147 Г. Паланевіч, *Нацыянальная тэорыя й практыка бальшавізму...*, с. 74.

148 Подробнее см., например: A. F. Chackiewicz, *Aresztowania i deportacje ludności zachodnich obszarów Białorusi (1939-1941)*, [в:] *Polska — Białoruś. 1918-1945*, Warszawa 1994, s. 133-160. Кстати, эти процессы Советы в то время называли простым переселением ради развития экономики в целом и сельского хозяйства в частности (см.: *По-большевистски руководить переселением колхозников*, „Правда", 1940, 30 октября, с. 1).

149 М. Волаціч, *Насельніцтва Заходняй Беларусі...*, с. 15.

151 Z. Siemaszko, *W sowieckim osaczeniu. 1939-1941*, Londyn 1991, s. 87.

151 E. Kryńska, *Martyrologia nauczycieli Białostocczyzny w latach II wojny światowej*, „Edukacja", 2000, ą 4, s. 109.

152 A. Bobowik, *Szkolnictwo ogólnokształcące na Białostocczyźnie w systemie oświaty radzieckiej w latach 1939-1941 w świetle ostatnich badań archiwalnych*, „Przegląd Historyczno-Oświatowy", 2000, № 3-4, s. 117.

153 ГАОО ГО, ф. 2, оп. 50, д. 70, л. 22-25.

154 K. Jasiewicz, *Liczba deportowanych*, „Karta", 2001, № 32, s. 145.

Такое положение позволило в следующем учебном году проводить более мягкую и рассудительную политику по отношению к учителям, которых по-прежнему не хватало. «Перестраивая школу, — признавалось в письме ЦК КП(б)Б «О недостатках в работе партийных и советских органов в западных областях Белоруссии», — партийные организации много сделали для того, чтобы очистить учительский состав школ, в частности польских, от националистических, контрреволюцийных элементов. Однако, при этом в некоторых районах стали проявлять огульное недоверие и увольнять большинство поляков-учителей из школ, хотя к этому не было оснований. Очищая школы от враждебных элементов, партийные организации обязаны были отличить врагов от честных и преданных людей и не допускать огульного подхода и необоснованного увольнения с преподавательской работы людей, ничем себя не скомпрометировавших и искренне стремящихся работать на благо нашей родины»[155]. Поэтому при массовом увольнении педагогов польских школ в начале 1940/41 учебного года в некоторых районах Белостокской области райкомы КП(б)Б критиковались за нежелание заниматься «кропотливой работой по индивидуальному изучению, воспитанию и выращиванию» педкадров из местного населения; приказано было их устроить назад и в дальнейшем при увольнениях и перемещениях учителей сохранять индивидуальный подход[156]. В прошедшем же учебном году «отсев» в учительских коллективах был нередким явлением, причем причины его архивы часто умалчивают, поэтому о них и о судьбе уволенных можно только догадываться по ситуативном контексте того времени (в Несвижском районе таким образом до 25 января 1940 г. был «отсеян» «по разным причинам» 21 человек[157]). Возвращение не приобрело масштабов увольнения: по Белостокской области обратно устроили лишь 17 человек[158]. Но там же «в процессе исправления ошибок» 318 местных учителей были выдвинуты на руководящую работу: заведующими районо — 4 человека, инспектором районо — 30, заведующими райпедкабинетами — 7, директорами школ — 277[159]. Такие действия, с одной стороны, свидетельствуют о повышении доверия местным педагогам, а с другой — о надежном контроле ситуации с педкадрами, их социально-политического настроения, что позволило пойти на некоторые уступки с целью ликвидации кризисного положения с преподаванием в школах. К причинам такого «потепления», как предполагают польские исследователи, стоит отнести и ка-

155 НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 1081, л. 42.
156 ГАОО ГО, ф. 2, оп. 50, д. 4, л. 45.
157 ГАБО, ф. 7580 «П», оп. 1, д. 430, л. 4.
158 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 243, л. 17.
159 ГАОО ГО, ф. 2, оп. 50, д. 67, л. 38.

питуляцию Франции — союзника Польши[160] как исчезновения еще одного канала материальной и моральной подпитки польского патриотического подполья.

Постепенное прекращение проявлений антисоветских настроений не означало отсутствия фильтрации их по благонадежности. С мест продолжали поступать докладные записки с такой информацией[161]. Так, секретарь Малоритского РК КП(б)Б, несмотря на то, что этот район не был обеспечен педкадрами даже наполовину, в июне 1940 г. сообщал, что из 54 работающих в школах учителей 24 (!) необходимо освободить из-за несоответствия своему назначению («классово-чуждые» или без педагогического образования)[162]. А среди педкадров Ломжинского региона антисоветскую деятельность, не говоря уже о настроенности, к началу 1940/41 учебного года так и не смогли искоренить, «несмотря на значительную чистку учительского состава». Например, в Едвабновском районе, имевшем до 17 сентября 1939 г. 69 учителей, 13 человек было арестовано, 7 — выселено, 18 — отстранено, 26 — взято на учет как «неблагонадежный элемент»[163].

Говорить о каких-то цифрах, процентных соотношениях количества оставшихся работать при Советах учителей к целому с выверенной точностью невозможно, ибо, во-первых, в источниках они часто рассматривались вместе с принятыми на работу в школы безработными — как местные, а во-вторых, поскольку категория всех педагогов из местного населения вызывала недоверие у власти, потому что они имели буржуазные влияния, их число продолжало перманентно уменьшаться (даже после второй мировой войны, несмотря на то, что Польша оказалась в «социалистическом лагере», «людям, которые получили высшее образование под Польшей, нельзя было работать учителями»[164]). Можно только на основании имеющегося опыта предполагать, что ко времени нападения Германии педкадры советской школы не менее чем на четверть, но вряд ли более чем наполовину состояли из учителей, которые преподавали при Польше, количество их с течением времени минимализировалось.

Новая власть понимала свою несимпатичность для большой части населения и всеми средствами стремилась это если не ликвидировать

160 M. Gnatowski, *W radzieckich okowach...*, s. 107; W. Śleszyński, *Okupacja sowiecka na Białostocczyźnie w latach 1939-1941. Propaganda i indoktrynacja*, Białystok 2001, s. 260.

161 Особенно скрупулезный контроль существовал среди учителей школ приграничных районов, «неблагонадежные» брались на подробный учет (см., например: ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 399, л. 238-269).

162 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 255, л. 177.

163 M. Gnatowski, *W radzieckich okowach...*, s. 257-258.

164 Н. Бабіна, *Тут была Ўкраіна*, „ARCHE", 2001, № 5 (19), с. 211.

полностью (эксплицитно или латентно такое явление все равно бы существовало), то хотя бы нивелировать за наиболее краткие сроки — путем оперативной советизации аннексированных территорий, для чего требовалась огромное количество людей[165]. Одним из важнейших средств идеологической экспансии являлось просвещение, а проводниками — педагоги. Их роль должна была не ограничиваться работой в школе, а, как и призывал В. И. Ленин, иметь активный общественный характер: «Учительская армия должна поставить себе гигантские просветительские задачи и прежде всего должна стать главной армией социалистического просвещения. (...) Задача новой педагогики — связать учительскую деятельность с задачей социалистической организации общества»[166]. Разного рода агитация стала одним из видов внешкольной деятельности, предписываемых советскому учительству. В частности, 3000 педагогов Белосточчины (более половины) приняли участие в предвыборной агитационной кампании 1939 г.[167]

В письме ЦК КП(б)Б «О недостатках в работе партийных и советских органов в западных областях Белоруссии» говорилось: «Перестраивая школу, партийные организации много сделали для того, чтобы очистить учительский состав школ, в частности польских, от национальных, контрреволюционных элементов. Однако, при этом в нескольких районах стали проявлять огульное недоверие и увольнять большинство поляков-учителей из школ, хотя к этому не было оснований.

Очищая школы от враждебных элементов, партийные организации обязаны были отличить врагов от честных и преданных людей и не допускать огульного подхода и необоснованного увольнения с преподавательской работы людей, ничем себя не скомпрометировавших и искренне стремящихся работать на благо нашей родины.

Особо нетерпимыми являются действия некоторых работников, сводящиеся к ограничению прав польского населения на пользование польским языком»[168].

Таким образом, общая панорама педагогических кадров с национально-демократических позиций выглядит неудовлетворительно. Она не соответствовала не только организации нормального функционирования системы школьного образования, но и даже реализации определяемых перед создаваемой советской школой задач в той степени, которая позволила бы говорить о четко поставленном коммунистическом

165 Были разработаны даже соответствующие планы (по: В. Суворов, *Ледокол. День «М»*, Москва 1995, с. 57). Подробнее см.: В. К. Триандафиллов, *Характер операций современных армий*, Москва — Ленинград 1929, с. 177-178.

166 В. И. Ленин, *Полное собрание сочинений*, т. 36, Москва 1974, с. 420.

167 ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 9, л. 30.

168 НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 1081, л. 42-43.

воспитании со стороны педагогов. Однако к концу рассматриваемого периода, как свидетельствует более спокойная политика по отношению к педкадрам, система школьного образования уже в основном приобрела необходимые для советской власти формы и содержание (необходимые для воплощения в жизнь программы по воспитанию «простого советского человека»). И хотя преобразования школы с целью удовлетворения национальных интересов как белорусов, ставших титульной нацией, так и нацменьшинств на самом деле являлись весьма двуликими, амбивалентными (чего и сегодня официоз белорусской исторической науки упорно не желает признать), в целом школьная политика советской власти во многом благодаря популистским декларациям вызвала скорее симпатию, чем антипатию у большей части населения восточных провинций бывшей II Речи Посполитой, однако, как показывают факты, значительное, а не отнюдь не минимальное, количество новых граждан СССР латентно или открыто заняло строго антисоветскую позицию. В этом видятся следующие основные причины:

1. определенная часть населения (прежде всего почти все жители польской национальности, а также наиболее зажиточные и приуспевающие) изначально была настроена против советской власти в силу национальных и социально-политических взглядов;

2. система образования Польши являлась в сильной степени заидеологизированной, что давало свои плоды в виде патриотически настроенных школьников и педагогов;

3. советская власть, образ которой в силу интенсивной коммунистической пропаганды в межвоенный период выглядевший весьма привлекательно для «западников», уже в самое ближайшее время не оправдала чаяний народа, откровенно разочаровала своими преобразованиями (прежде всего в социально-политической и экономической сферах), поэтому неудивительно, что ее противники нашлись не в исключительных масштабах не только среди поляков, но и среди нацменшинств, а также в числе жителей белорусской национальности. Их число несомненно бы росло на данной территории, но, с одной стороны, репрессии и депортации редуцировали его, а с другой — эти же и другие брутальные методы руководства советской власти являлись устрашающим фактором для распространения диссидентского начала.

[169] ГАБО, ф. 7580, оп. 1, д. 430, л. 8-9.

Таблица 1

Количество национальных школ Барановичской области по ступени образования на 13 января 1940 г.[169]

По языку преподавания	Уезды														
	Барановичский			Новогрудский			Лидский			Слонимский			Несвижский		
	НШ	НСШ	СШ	НШ	НСШ	СШ	НШ	НСШ	СШ	НШ	НСШ	СШ	НШ	НСШ	СШ
Белорусский	191	35	1	203	50	1	172	31	3	162	26	1	88	32	1
Русский	1	5	2	–	2	1	1	–	–	–	1	–	–	1	1
Еврейский	–	8	1	3	7	–	–	6	–	–	3	–	–	7	–
Польский	5	2	1	2	1	1	2	1	–	2	2	–	–	–	–
Всего	197	50	5	208	60	3	175	38	3	164	32	1	88	40	2
Всех в уезде	252			271			216			197			130		

По языку преподавания	Уезды									Всего (в скобках – % от общего числа)			Всех
	Столбцовский			Воложинский			Щучинский			НШ	НСШ	СШ	
	НШ	НСШ	СШ	НШ	НСШ	СШ	НШ	НСШ	СШ				
Белорусский	94	20	1	142	17	1	106	23	–	1158 (97,1)	234 (79,1)	9 (52,1)	1401 (93,0)
Русский	–	–	–	–	–	–	–	2	1	2 (0,2)	11 (3,7)	5 (29,4)	18 (1,2)
Еврейский	–	2	–	–	3	–	1	5	–	4 (0,3)	41 (13,9)	1 (5,9)	46 (3,1)
Польский	3	–	–	2	1	–	13	3	–	29 (2,4)	10 (3,8)	2 (11,8)	41 (2,7)
Всего	97	22	1	144	21	1	120	33	1	1193	296	17	1506
Всех в уезде	120			166			154						

Таблица 2

Количество национальных школ Барановичской области по ступени образования[170]

Язык преподавания	На 13 января 1940 г.				На 10 февраля 1940 г.				На 25 апреля 1940 г.				Начало 1940/41 уч. г.			
	НШ	НСШ	СШ	Всего	НШ	НСШ	СШ	Всего	НШ	НСШ	СШ	Всего	НШ	НСШ	СШ	Всего
Белорусский	1158	234	9	1401	1181	224	7	1412	1254	234	6	1494	1260	238	6	1504
Русский	2	11	5	18	4	15	10	29	7	17	10	34	7	17	9	33
Еврейский	4	41	1	46	2	35	–	37	2	37	–	39	2	37	–	39
Польский	29	10	2	41	26	9	2	37	20	16	3	39	21	16	3	40
Литовский	–	–	–	–	8	–	–	8	3	–	–	3	3	–	–	3
Всего	1193	296	17	1506	1221	283	19	1523	1286	304	19	1609	1293	308	18	1619

170 Составлена автором по данным: ГАБО, ф. 7580, оп. 1, д. 430, л. 8-9, л. 14-15; д. 161, л. 8-10; д. 162, л. 27.

Таблица 3

Количество национальных школ Белостокской области по ступени образования[171]

Язык преподавания	На 1 февраля 1940 г.				Весна 1940 г.				Конец 1939/40 уч. г.				Начало 1940/41 уч. г.				Начало 1941 г.			
	НШ	НСШ	СШ	Всего	НШ	НСШ	СШ	Всего	НШ	НСШ	СШ	Всего	НШ	НСШ	СШ	Всего	НШ	НСШ	СШ	Всего
Польский	634	205	19	858	598	198	19	815	747	209	14	769	608	176	12	796	601	177	12	790
Русский	5	7	9	21	6	8	9	23	12	13	9	34	19	28	25	72	21	27	22	70
Белорусский	338	71	6	415	382	81	7	470	343	60	5	408	391	91	3	485	393	90	3	486
Еврейский	10	44	8	62	11	44	8	63	10	46	9	65	8	38	3	49	10	40	2	52
Литовский	18	1	–	19	17	1	–	18	10	2	–	12	19	1	–	20	–	–	–	–
Всего	1005	328	42	1375	1014	332	43	1389	921	330	37	1288	1045	334	43	1422	1085	334	39	1400*

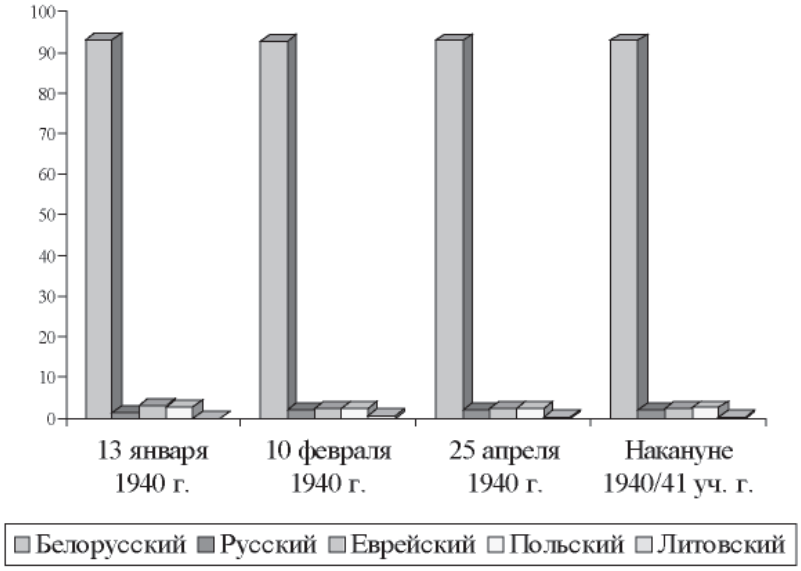
[171] Составлена автором по данным таблиц: ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 398, л. 66; д. 399, л. 12, 86; д. 410, л. 297 обр.
* Две из них «смешанные», поэтому не попали ни в какую графу.

Таблица 4

Национальные школы Вилейской области по ступени обучения в 1939/40 учебном году[172]

Язык преподавания	НШ		НСШ		СШ		Всего	
	количество	%	количество	%	количество	%	количество	%
Белорусский	976	90,2	137	74,1	4	44,4	1117	87,5
Еврейский	2	0,2	29	15,7	–	–	31	2,4
Русский	59	5,5	14	7,6	5	55,6	78	6,1
Польский	11	1,0	3	1,6	–	–	14	1,1
Литовский	34	3,1	2	1,1	–	–	36	2,8
Всего	1082		185		9		1276	

Рис. 1. Изменение количества всех национальных школ Барановичской области (в процентах, по языкам обучения)[173]



172 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 255, л. 182. Примечание: в источнике содержатся ошибки, завышающие данные (см.: *Народное образование в БССР. Сборник документов и материалов*, т. 2: *1928-1941 гг.*, с. 372.)

173 Составлена автором по данным: ГАБО, ф. 7580, оп. 1, д. 430, л. 8-9, д. 161, л. 8-10; д. 162, л. 27.

Рис. 2. Изменение количества всех национальных школ Белостокской области в процентах, по языкам обучения)[174]

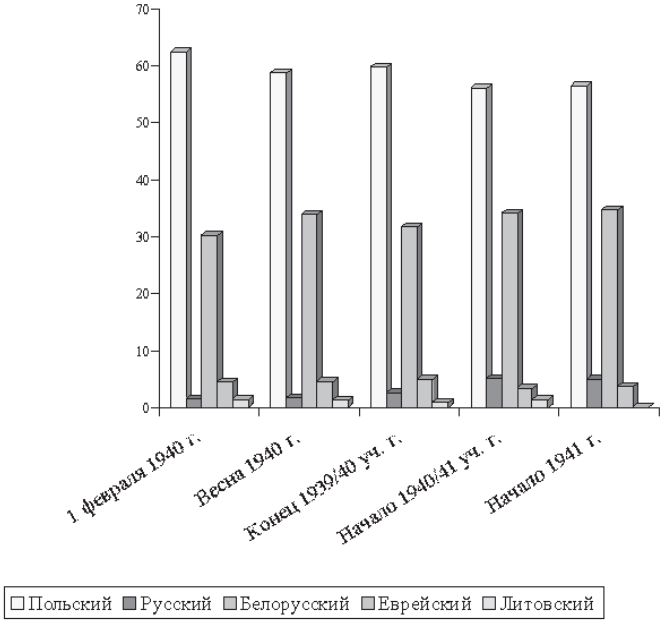
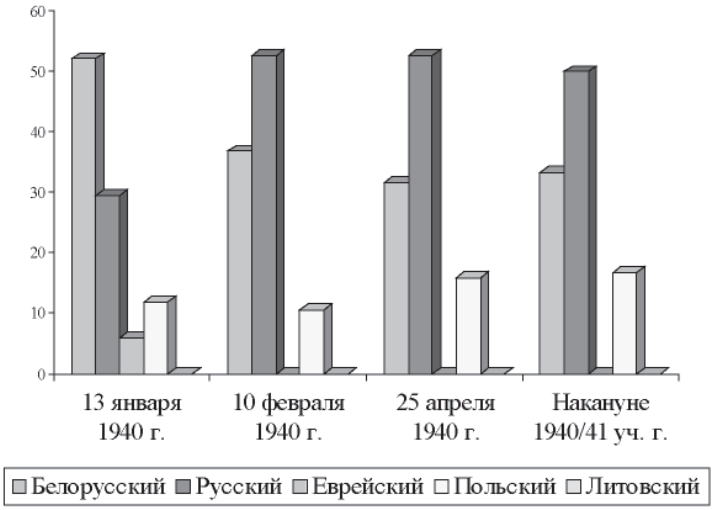


Рис. 3. Изменение количества национальных средних школ Барановичской области (в процентах, по языкам обучения)[175]



174 Составлена автором по данным таблиц: ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 398, л. 66; д. 399, л. 12, 86; д. 410, л. 297 обр.

175 Составлена автором по данным: ГАБО, ф. 7580, оп. 1, д. 430, л. 8-9, д. 161, л. 8-10; д. 162, л. 27.

Рис. 4. Изменение количества национальных средних школ Белостокской области (в процентах, по языкам обучения)[176]

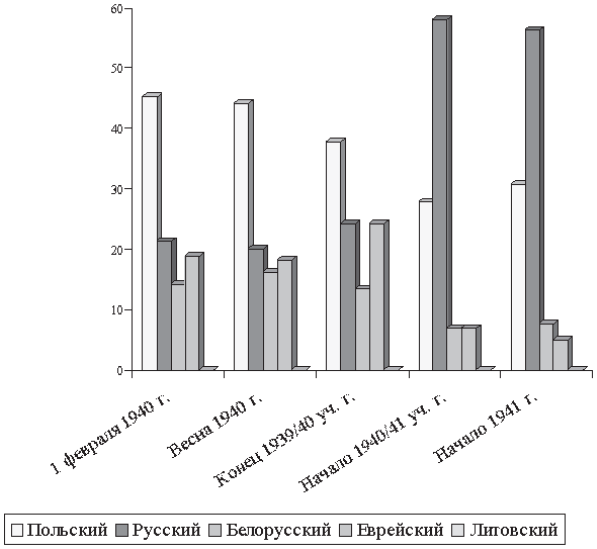
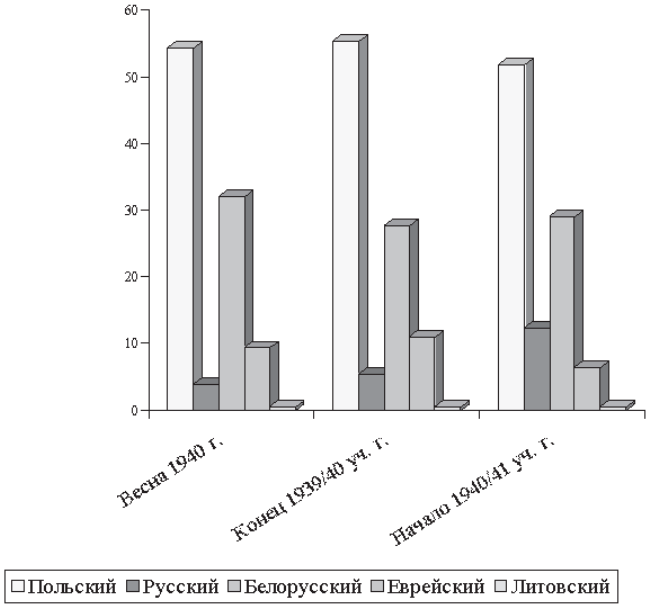


Рис. 5. Изменение количества учеников по всем национальным школам Белостокской области (в процентах, по языкам обучения)[177]



176 Составлена автором по данным таблиц: ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 398, л. 66; д. 399, л. 12, 86; д. 410, л. 297 обр.

177 Составлена автором по данным таблиц: ГАОО ГО, ф. 6195, оп. 1, д. 398, л. 66; д. 399, л. 12.

Таблица 5

Национальный состав учащихся школ г. Гродно перед 1940/41 учебным годом с явными нарушениями при организации[178]

Ступень	№	Язык преподавания	Учеников по национальности					Всех
			русских	бел.	пол.	евр.	др.	
НШ	8	русский	17	–	12	40	–	69
НСШ	3	белорусский	13	31	122	7	–	173
НСШ	4	белорусский	24	10	39	321	–	394
НСШ	6	русский	191	71	255	10	8	537
НСШ	10	белорусский	64	54	248	16	–	382
НСШ	15	русский	75	14	84	46	–	219
НСШ	17	белорусский	29	49	343	2	2	426
СШ	5	белорусский	9	106	155	81	1	352
СШ	7	русский	32	10	3	809	2	856
СШ	11	русский	210	93	161	338	12	814
СШ	13	русский	58	28	10	333	–	439
СШ	18	белорусский	123	150	700	28	2	970

Таблица 6

Национальный состав учащихся школ г. Белостока в 1940 г.[179]

Ступень	№	Язык преподавания по классам	Учеников по национальности					Всех
			русск.	бел.	пол.	евр.	др.	
СШ	1	1-10 – польский, 1-3 – русский	94	30	614	13	3	754
СШ	2	1-7 – белорусский	1	55	–	7	–	63
СШ	3	1-10 – польский, 1-7 – русский	172	61	377	19	15	644
СШ	4	1-7 – польский	13	1	388	5	–	407
СШ	5	1-10 – польский	39	22	503	5	3	527
СШ	6	1-7 – еврейский	–	–	–	473	–	473
СШ	7	1-10 – русский, 1-4 – еврейский	–	–	–	439	–	439
СШ	8	1-10 – русский	81	10	–	570	3	664
СШ	9	1-9 – русский	27	3	–	540	–	570
СШ	10	1-9 – еврейский	–	–	–	538	–	538

178 НАРБ, ф. 4, оп. 27, д. 246, л. 22.

179 Составлена автором по данным таблиц: W. śleszyński, *Struktura szkolnictwa sowieckiego w Białymstoku*, „Białostocczyzna”, 1999, № 1, s. 130-133.

Таблица 6 (продолжение)

Ступень	№	Язык преподавания по классам	Учеников по национальности					Всех
			русск.	бел.	пол.	евр.	др.	
СШ	12	1-10 – польский	–	3	398	10	–	411
СШ	13	1-7 – польский	24	16	346	1	–	387
СШ	14	1-10 – русский	246	168	–	498	20	932
СШ	15	1-10 – русский	660	131	–	138	45	976
НСШ	11	1-6 – еврейский	–	–	–	285	–	285
НСШ	16	1-6 – еврейский	–	–	–	286	–	286
НСШ	17	1-7 – польский	–	–	593	1	–	594
НСШ	18	1-6 – польский	25	15	290	3	–	333
НСШ	19	1-6 – еврейский	–	–	–	372	–	372
НСШ	20	1-7 – польский	32	7	472	14	–	526
НСШ	21	1-6 – еврейский	–	–	–	277	–	277
НСШ	22	1-4 – русский, 1-6 – польский	73	9	278	9	–	369
НСШ	23	1-6 – польский	15	8	317	13	1	354
НСШ	24	1-6 – польский	10	2	320	20	–	352
НСШ	25	1-6 – еврейский	–	–	–	340	–	340
НСШ	26	1-6 – еврейский	–	–	–	422	–	422
НСШ	27	1-7 – польский	2	4	250	–	–	256
НСШ	28	1-6 – еврейский	–	–	–	242	–	242
НСШ	29	1-6 – еврейский	–	–	–	471	–	471
НСШ	30	1-6 – еврейский	–	–	–	308	–	308
Всех учеников			1524	535	5149	6319	90	13617

Streszczenie

Po przyłączeniu Zachodniej Białorusi do BSRR szybko rozpoczął się proces integracji tych ziem w ramach sowieckiego systemu prawnopolitycznego. Szczególną rolę wyznaczono szkolnictwu, które miało być instrumentem w kształtowaniu nowej świadomości byłych obywateli II Rzeczypospolitej. Zgodnie z tezą Lenina mówiącą, że szkoła powinna być orężem proletariatu uczyniono z systemu edukacji system indoktrynacji młodego pokolenia. Z założenia nauczanie miało być prowadzone w językach każdej grupy narodowościowej. Szkoły z własnym językiem wykładowym otrzymali Polacy i Żydzi, a także Białorusini. Z cza-

sem liczbę szkół z językiem białoruskim systematyczne zmniejszano. Zastępowano je szkołami z językiem rosyjskim. Podobny proces następował także w stosunku do szkolnictwa z polskim językiem wykładowym. Szczególnie wyraźnie odstępowano od pierwotnych kryteriów polityki oświatowej w obwodzie białostockim, gdzie rusyfikacja szkolnictwa następowała od połowy 1940 r. Szkolnictwo miało zresztą od samego początku jedynie narodową formę. Treść nauczania podporządkowano potrzebom kształtowania sowieckiego systemu wartości. Ważną rolę wyznaczono szkołom w kształtowaniu postaw antyreligijnych dzieci i młodzieży. W tym celu stosowano cały szereg metod sprawdzonych w szkolnictwie sowieckim w latach trzydziestych.